
Л. В. ТУМАРКИНА

**УЧЕНИЕ Н. Ф. ФЕДОРОВА В ОЦЕНКЕ
ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(ИНТЕРВЬЮ С М. ХАГЕМЕЙСТЕРОМ
К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Ф. ФЕДОРОВА)**

Учение Федорова – это призыв
не забывать жертв истории.
М. Хагемейстер

В 2019 г. исполнилось 190 лет со дня рождения Николая Федоровича Федорова (1829–1903) – русского религиозного мыслителя, признанного основателем такого направления в отечественной философии, как русский космизм. В последние годы русский космизм, понимаемый как ряд религиозно-философских и научно-футурологических течений начала XX в., становится все более популярным среди не только российских, но и зарубежных исследователей. Начатое в 1980-х гг. доктором филологических наук Светланой Григорьевной Семеновой (1941–2014) продвижение идей Николая Федорова сегодня продолжается работой музея Н. Ф. Федорова при библиотеке № 180 ЦБС ЮЗАО г. Москвы, а также ежегодными международными Федоровскими чтениями. Ныне, как юбилейные, они состоялись 5–9 июня в Москве, Рязани, Сасово, Ключах, Шацке, где с докладами по наследию русского мыслителя выступили зарубежные гости из Польши, Италии, Франции, США, Японии.

Интерес к творчеству неординарного философа проявили Джордж Янг и Борис Гройс (США), Анджей Валицкий и Михаил Мильчарек (Польша), Рудольф Бернар (Франция), Анна Манджулло (Италия) и другие представители научного мира зарубежных стран.

Все же одним из самых основательных исследований учения Н. Ф. Федорова остается фундаментальный труд немецкого историка и слависта Михаэля Хагемейстера. Его опубликованная в Мюнхене в 1989 г. диссертация вышла книгой в 550 страниц под названием «Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung» [Hagemeister 1989]. Здесь за 10 лет

Философия и общество, № 1 2020 116–125

DOI: 10.30884/jfo/2020.01.08

кропотливого труда подняты сотни архивных документов, отражены десятки встреч и дискуссий с федоровцами и иными исследователями федоровского наследия.

Сегодня эта книга отмечает свое 30-летие. Но все в нашем мире течет и меняется. Как Михаэль Хагемейстер оценивает идеи Николая Федорова сегодня, 30 лет спустя? Это тем более значимо, если учесть проективную и деловую направленность федоровской философии. Именно по этому поводу состоялась моя встреча с Михаэлем Хагемейстером 13 июля 2019 г. в Бохуме (северо-запад Германии), где он сегодня живет, преподает в Рурском университете и где любезно согласился ответить на предложенные ему вопросы.

Ключевые слова: русский космизм, Николай Федоров, Михаэль Хагемейстер, интерпретации, «жертвы истории», современные проблемы, бессмертие.

In 2019, it was celebrated the 190th anniversary of the birth of Nikolai Fedorovich Fedorov (1829–1903), the Russian religious thinker, recognized as the founder of such a direction of “Russian cosmism” in Russian philosophy. In recent years, Russian cosmism, understood as a number of religious-philosophical and scientific-futurological movements of the beginning of the 20th century, has become increasingly popular among both Russian and foreign researchers. The promotion of Nikolai Fedorov’s ideas was started by Doctor of philological sciences Svetlana Grigorievna Semenova (1941–2014) in the 1980s and continues today in the work of the Museum of N. F. Fedorov established at the library number 180 (of Central Library of the South-Western Administrative District of Moscow) as well as in the work of the annual international Fedorov readings. In 2019 the commemorative event took place on June 5–9 in Moscow, Ryazan, Sasovo, Klyuch, and Shatsky, where foreign guests from Poland, Italy, France, the USA, and Japan presented their views on the legacy of the Russian thinker.

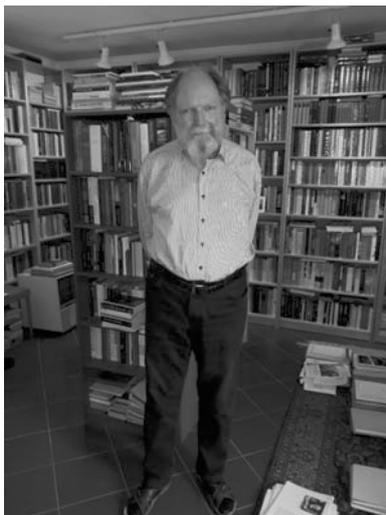
George Young and Boris Groys (USA), Andrzej Valitsky and Mikhail Milcharek (Poland), Rudolf Bernard (France), Anna Manjullo (Italy) and other representatives of the scientific world from foreign countries showed their interest in the work of an extraordinary philosopher.

However, one of the most thorough studies of Fedorov’s teachings is presented in the fundamental work of the German historian and Slavist Michael Hagemester. His thesis, published in Munich in 1989, came out in a 550-page book titled ‘Nikolay Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung’ [Hagemester 1989]. During ten years of patient work, hundreds of archival docu-

ments have been studied, dozens of meetings and discussions with Fedorov adherents and other researchers of his heritage have been reflected.

Today this book celebrates its 30th anniversary. But all is in a state of flux, nothing is constant in our world. How does Michael Hagemeister evaluate Nikolai Fedorov's ideas today, 30 years later? This is all the more significant if we take into account the projective and business orientation of Fedorov's philosophy. It was for this reason that I met with Michael Hagemeister on July 13, 2019 in Bochum (north-west Germany), where he lives today, teaches at the Ruhr University; so he kindly agreed to answer the proposed questions.

Keywords: Russian cosmism, Nikolai Fedorov, Michael Hagemeister, interpretations, «victims of history», contemporary problems, immortality.

Михаэль Хагемейстер в своем рабочем кабинете.
Бохум, 13 июля 2019 г.

– Учение Николая Федорова о необходимости сознательного управления человеком эволюционными процессами Земли и Космоса, включая ликвидацию смерти и воскрешение ушедших поколений, сегодня, на ваш взгляд, это утопия или все же посильный для реализации проект?

– Сегодня Федоров считается, особенно в США, предтечей трансгуманизма и постгуманизма. Но это грубое недоразумение.

Федоров беспокоился не о физическом совершенствовании будущей небольшой (богатой) элиты. Он прежде всего думал обо всех погибших. Хотя некоторые из трансгуманистических проектов кажутся реалистичными (пусть и нежелательными), призыв Федорова к воскрешению всех мертвых утопичен, но глубоко нравственен. В отличие от Федорова, к трансгуманистам можно отнести Константина Циолковского. Если «общее дело» Федорова направлено на совершенствование всего человечества (включая всех погибших), то тоталитарная утопия Циолковского описывает создание будущего сверхчеловечества, высшей расы космонавтов, путем искусственного отбора лучших и активного истребления всех низших, «неполноценных» существ. Пропагандисты русского космизма, среди них Борис Гройс, распространяют легенду о том, что космические проекты Циолковского были вдохновлены Федоровым и служили цели переноса воскрешенных предков – «миллионов возвращающихся душ» – на другие планеты. Это, прошу прощения, полная бессмыслица. Циолковский и не думал ни о каких воскрешенных предках. Панпсихическая модель бессмертия Циолковского – «все живо», а смерть – лишь «одна из иллюзий слабого человеческого духа», поскольку атом бессмертен и всего лишь переходит из одной комбинации в другую – полностью несовместима с центральной идеей Федорова об отмене смерти и восстановлении тел всех умерших.

– Как, на ваш взгляд, могут быть соотнесены нравственный рост человечества и физическое бессмертие землян? Известно также, что Федоров неоднократно подчеркивал: «Непорочность физическая и нравственная – неперемнное условие для бессмертия [Федоров 2008: 687]. Известно, что нравственность и здоровье человека взаимосвязаны: «в здоровом теле – здоровый дух». А если наоборот – здоровый дух, то есть высокая нравственность, обеспечивает вечное здоровье телу?»

– Я не верю в физическое бессмертие. Я также не наблюдаю нравственного роста человечества. Грандиозные преступления XX в. – холокост, массовые истребления людей при Сталине, Мао Цзэдуне, Пол Поте и т. д. – говорят против него. А идея бессмертия

не только абсурдна, но и нежелательна. Вечное существование, будь то в раю, будь то в аду, – это жуткое представление. К счастью, я не христианин и не верю в загробную жизнь, в вечное блаженство и вечное проклятие. Совершенно другое дело – физическое оздоровление человека, укрепление его здоровья, продление его жизни. Здесь я вижу много возможностей. Но долголетие в отличной физической форме – это нечто совершенно иное, чем вечное существование. А что касается связи между физической и моральной непорочностью, то крылатое латинское выражение «Здравый дух в здоровом теле» – это не утверждение, а пожелание: следует молиться о том, чтобы в здоровом теле был и здоровый дух.

– *С позиции Федорова именно религия является этическим горизонтом человечества: «...сыны человеческие должны постоянно иметь перед очами Сына Божия...» [Федоров 2008: 104]. И Владимир Соловьев пишет о федоровском учении: «...Ваш проект есть первое движение вперед человеческого духа по пути Христову» (письмо В. С. Соловьева к Н. Ф. Федорову от 12 января 1882 г.) [Его же 2004: 99]. И тем не менее официальная церковь не приемлет федоровские религиозные идеи.*

– В советские времена Федорова называли «чистым материалистом», теперь же его последователи говорят о нем как о религиозном мыслителе, чье учение открывает третью фазу после Ветхого и Нового Заветов – «активно-ноосферное христианство». Я не теолог, но для меня ясно, почему проект Федорова по самосохранению человечества неприемлем для всех христианских конфессий. Хотя он говорит о «Царстве Божьем» и исполнении Божьей воли с использованием христианских образов и символов (Троица как высшее выражение родства, литургия как «общее дело»), но у него нет ни слова об активном участии Бога в «общем деле». Проект Федорова, скорее, означает исключительно имманентную, человеческую, научно-техническую работу. «Воскрешение, – говорит Федоров, – будет делом не чуда, а знания и общего труда» [Его же 1913: 206]. Федоровский «супраморализм» (философия как знание того, что должно быть) требует «рая, Царства Божия, не потустороннего, а посюстороннего, требует преобразования посюсторонней, земной

действительности, преобразования, распространяющегося на все небесные миры... рай может быть создан только самими людьми...» [Федоров 1906: 419–420]

Русские философы, богословы и религиоведы с самого начала признали, что «религия человечества» Федорова несовместима с христианским пониманием греха и смерти, воскресения и окончательного суда. Проект Федорова больше всего напоминает учение о всеобщем апокатастасисе, восстановлении творения в его состоянии до грехопадения и «возвращения всех» в конце времен. Однако все христианские конфессии отвергают этот концепт как еретический, поскольку это означало бы, что начало и конец становятся едины, войдут в одно целое, в котором исторический процесс спасения потерял бы всякий смысл.

– Известно, что не только Борис Ефимович Гройс, но еще раньше Сергей Николаевич Булгаков проводил параллель между учениями К. Маркса и Н. Ф. Федорова: «Учение Федорова и есть именно то, о чем смутно мечталось марксизму» [Булгаков 1994: 332]. Справедлива ли, на ваш взгляд, такая интерпретация?

– Действительно, есть интересные параллели между Марксом и Федоровым. Теория Федорова о самосоздании человека через творчество похожа на марксистскую теорию антропогенеза, известную из ранних работ Маркса, где он пишет, что какое-либо существо является в своих глазах самостоятельным лишь тогда, когда оно стоит на своих собственных ногах, а на своих собственных ногах оно стоит лишь тогда, когда оно обязано своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, считает себя зависимым существом. Федоров мог бы сказать то же самое. Маркса и Федорова объединяет материализм, что нашло выражение в изречении Федорова: «Приходится, однако, напомнить... что организм – машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину, и сознание возвратится к ней!» [Федоров 1906: 288]. Проективизм Федорова с его требованием к философии (как и ко всем другим наукам и искусствам) перейти от описания мира к его трансформации: «Мир дан не на поглядение, не мирозерцание – цель человека. Человек всегда счи-

тал возможным действие на мир, изменение его согласно своим желаниям» [Федоров 1906: 335] – напоминает известный 11-й тезис К. Маркса о Л. Фейербахе, где подчеркнуто, что философы только по-разному интерпретировали мир, но важно его изменить. Однако помимо этого я не вижу больших сходств. Маркс и Энгельс никогда не рассуждали о рае на Земле и преодолении смерти. Когда я открыл для себя Федорова в 1970-х гг., я сам был близок к марксизму и искал решение проблемы «жертв истории».

– *Что касается сегодняшних экологических проблем, не находите ли вы федоровскую идею «регуляции природы» одним из выходов в их решении?*

– Для Н. Ф. Федорова «регуляция природы» означает полное подчинение ее человеку и овладение ее «слепыми силами». В таком отношении к природе я вижу скорее причину экологических проблем, чем их решение. Еще более антиэкологичен К. Э. Циолковский. Его призыв к человечеству не беспокоиться о своей «колыбели», потому что его будущее находится в космосе, перекликается с современным космическим энтузиазмом, презирателей экологии и «пределов роста» (limits to growth). В связи с нарастающей эксплуатацией и разрушением нашей планеты мы должны искать вокруг нее «новую Землю» и строить искусственные «глобусы», в которые генетически оптимизированная элита эмигрирует, а остальные останутся как «мусор» (refuse) на опустошенной Земле. С другой стороны, я вижу подходы к плодотворному экологическому мышлению в представлении Владимира Вернадского о биосфере как о весьма сложной системе или организме. Эта концепция представлена на Западе как гипотеза Геи (Gaia hypothesis).

– *В июне 1991 г. в Нью-Йорке вы сделали доклад «Русский космизм 1920-х гг.: его связь с оккультными и эзотерическими тенденциями». Насколько, по-вашему, эзотерично учение Федорова?*

– В учении Федорова я не нахожу никаких следов эзотерики. Там никаких упоминаний о духах, высших эфирных существах или магических действиях. Также преодоление смерти и воскрешение мертвых (прежде задача алхимиков) являются для Федорова чисто

научно-техническим делом без участия сверхъестественных (божественных) сил. Кстати, совсем в противоположность космической философии Циолковского, которая, как уже показал Николай Гаврюшин, представляет собой причудливую смесь панпсихического монизма Эрнста Геккеля, спиритизма Камиля Фламариона и Карла Дю-Преля, теософии Елены Блаватской со многими эзотерическими элементами. Поэтому неудивительно, что Циолковского ценят последователи эзотерического движения Рерихов. Примечательно, что некоторых русских философов, особенно тех, кого называют космистами, хорошо встречают на Западе эзотерики и приверженцы нью-эйдж. Так, американец Джордж Янг, член Теософского общества, также назвал свою книгу «Русские космисты. Эзотерический футуризм Николая Федорова и его последователей» (The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers). Очевидно, русское мышление воспринимается как нечто странное и экзотическое – привлекательное для эзотерически настроенных людей. Поэтому и неудивительно, что Федорова обнаружили в стране неограниченных возможностей – в США. Во Флориде есть трансгуманистическая протестантская церковь вечной жизни, которая объявила Федорова своим пророком и читает заупокойные мессы по своим умершим членам, которые позволили заморозить себя в надежде на будущее воскрешение.

– В целом учение Федорова – это живая и продуктивная тенденция, на ваш взгляд, или только страничка истории русской культуры?

– Учение Федорова оригинально. Оно дает ответ на проблемы всех идеологий исторического прогресса. Насчет тех, кто жил и страдал, не достигнув цели прогресса – царства свободы. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Иван Карамазов спросил: «Что это за будущая гармония, которая унавожена страданиями невинных людей?» Сергей Булгаков, Николай Бердяев и другие русские философы дали ему религиозный ответ, указывая на будущее спасение мертвых. Но Иван Карамазов снова спрашивает: «И какая же это гармония, если это ад?» И опять человечество будет разделено – на блаженных и проклятых, и с блаженством од-

них страдания других продлятся до бесконечности. Для Ивана Карамазова эта цена слишком высока, поэтому он возвращает свой «билет на вход» в эту гармонию. Федоров, со своей стороны, устраняет апорию всех доктрин прогресса: созданный всеми для всех, его рай воплощает в себе единство всех людей в пространстве и времени и поэтому не знает ни «проклятых», ни «жертв истории». Хотя я считаю это решение нереализуемым, оно последовательное и более милосердное, чем христианский вариант. Я согласен с Бердяевым, когда он пишет: «Федоров проникнут пафосом всеобщего спасения и в этом стоит много выше мстительных христиан, видящих в этой мстительности свою ортодоксальность» [Бердяев 2016: 346]. Учение Федорова для меня – это призыв не забывать «жертв истории». Я служу «воскрешению жертв истории», пусть даже метафорически, как историк.

Сегодня учение Федорова избирательно воспринимается и односторонне интерпретируется, например, когда трансгуманисты и акселерационисты (ускорители) обращаются к нему в своем стремлении к самооптимизации и индивидуальному бессмертию или когда его призыв к созданию посюстороннего рая религиозно наряжается. А воскрешение мертвых становится просто научной фантастикой, когда игнорируется его этическое, «супраморалистическое» оправдание: безусловная обязанность искупить вину всех бывших поколений и возместить страдание «жертв истории».

– *В чем вы видите оригинальность федоровского учения?*

– Федоров был удивительный человек. Он вел строго аскетический образ жизни. Отрицательно относился к собственности и имел только самое необходимое, тратил на себя минимум. Лев Толстой, который часто посещал Румянцевскую библиотеку в восьмидесятые-девяностые годы, восхищался Федоровым, едва ли не преклонялся перед ним, в то время как Федоров считал богатого и тщеславного графа, проповедующего братство и простую жизнь, лицемером.

Федоров называл свое учение супраморализмом и понимал его как практическую философию, как инструкцию к практическому действию. Он хотел дать обязательный для всех и обоснованный

ответ на вопрос, в чем состоит «высшее благо», и тем самым показать конечную цель человеческой деятельности; как эту цель можно достичь и почему ее нужно достичь. А именно – достичь физического бессмертия и вернуть к жизни ушедшие поколения. Доказать, что Человек обязан это сделать, – главное намерение федоровского учения, так как перед лицом смерти человеческое существование становится не только бессмысленным, но и безнравственным.

Литература

- Бердяев Н. А. Самопознание. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
- Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994.
- Федоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. Т. 1. Верный : Изд. Кожевникова В. А. и Петерсона Н. П., 1906.
- Федоров Н. Ф. Философия общего дела: в 2 т. Т. 2. М. : Печатная Снегиревой А., 1913.
- Федоров Н. Ф. Pro et contra: в 2 кн. Кн. 1. СПб. : РХГИ, 2004.
- Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М. : Эксмо, 2008.
- Hagemester M. Nikolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München : Sagner, 1989.